

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

2016

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Владимира Гусакова

В книге использованы иллюстрации *Игоря Авильченко*

Составитель *Парфенов М. С.*

С17 **Самая** страшная книга: сборник рассказов.— Москва:
Издательство АСТ, 2016.— 510, [1] с.— (Самая страшная
книга).

ISBN 978-5-17-095593-0

ССК. Создай Свой Кошмар.

Главная хоррор-антология России. Уникальный проект, в котором захватывающие дух истории отбирают не «всеведущие знатоки», а обычные читатели — разного пола, возраста, с разными вкусами и предпочтениями в жанре.

ССК. Страх в Сердце Каждого.

Смелый литературный эксперимент, которому рукоплещут видные зарубежные авторы, куда мечтают попасть сотни писателей, а ценители мистики и ужасов выдвигают эти книги на всевозможные жанровые премии («хоррор года» по версии журнала «Мир Фантастики», «лучшая антология» по версии портала Фантлаб, «выбор читателей» по версии портала Лайвлиб).

ССК. Серия Страшных Книг.

«Самая страшная книга 2016» открывает новый сезон: еще больше, еще лучше, еще страшнее!

Подписано в печать 11.01.16.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Авторы, текст, 2015

© Парфенов М. С., составление, 2015

© Владимир Гусаков, обложка, 2015

© Игорь Авильченко, иллюстрации, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Самая страшная книга. Третий сезон

Беря эту книгу в руки, вы, возможно, опасаетесь, что в ней не найдется ничего пугающего... Но хочу вас уверить, что этот страх – беспочвенен.

Таковыми словами я завершал предисловие ко второму тому ежегодной хоррор-антологии «Самая страшная книга». С них начну и вступительную речь к третьей части... или, если угодно, третьему сезону нашего проекта.

Потому что это главное. И потому, что суть ССК ничуть не изменилась, даже если внешний вид наших новых книг претерпевает определенные метаморфозы (мы стараемся стать еще лучше и привлекательнее).

На страницах «Самой страшной книги 2016» вас, преданных поклонников жанра, и тех, кто с литературой ужасов только знакомится, вновь ожидает встреча с невообразимыми монстрами, отвратительными мутантами, маньяками и прочими «милейшими» созданиями. Здесь собраны пугающие образы, порожденные то ли пресловутой «больной фантазией», то ли самой преисподней.

Истории, которые вам предстоит прочитать, по-прежнему отбирал не умный дядечка-составитель, а целый коллектив читателей. Благодаря им (а также Господу Богу и матушке-природе, сделавшим нас всех такими непохожими, с разными вкусами и, что особенно важно для ССК, с разными фобиями), среди этих историй вы наверняка найдете немало таких, которые напугают лично вас.

За эти три года «Самая страшная книга», однако, стала чем-то гораздо большим, чем была изначально. В 2014 году мы были никому не известными дебютантами, от которых никто не ждал ничего особенного. В год 2016-й ССК вступает уже на правах главной жанровой антологии страны – книги, выхода которой с нетерпением ждут тысячи читателей. ССК породила целую серию (в прошлом году в ней вышли тома «13 маньяков» и «Хеллоуин»). Словами «от авторов проекта „Самая страшная книга“» издатель

рекламирует антологии, издающиеся в других сериях (последние на сегодня — «Темная сторона Сети» из серии «Городские легенды» и антология «Темные», с которой стартует новая серия в жанре dark fantasy). Русский хоррор уже сейчас стал заметным явлением.

И поэтому, наверное, в предисловии к очередному нашему ежегоднику стоит сказать несколько слов о настоящем и будущем как этой серии, так и жанра в целом. Куда мы идем, чего от нас ждать в ближайшее время.

В прошлом году мы расширили серию за счет выпуска двух тематических антологий, в этом же году надеемся порадовать вас уже и авторскими книгами. В каком-то смысле успех ССК поднял целую волну, настоящее цунами жанровых антологий: четыре книги вышло в нашей серии, три антологии с участием наших авторов выпущено в других сериях, активнее начали сейчас издавать и антологии зарубежных авторов хоррора. И все это за короткий промежуток времени с начала 2014 по начало 2016 года.

Мы могли бы почивать на лаврах и продолжать издавать один межавторский сборник за другим, благо эти книги пользуются спросом. Но это было бы не совсем правильно. Человек никогда бы не вышел в космос и не высадился на Луне, если бы люди удовлетворились тем, что вывели на орбиту несколько спутников, не так ли? Мы, конечно, не космические первопроходцы, но по-своему тоже творим историю — историю русскоязычной литературы ужасов. Мы делаем русский хоррор и не стыдимся этого. И в этом смысле антологии наши подобны спутникам: они открывают читателям новые имена, показывают палитру жанра во всем его многообразии. Но, чтобы взглянуть дальше и глубже, хоррору требуются книги отдельных авторов.

Нам хочется, чтобы серия «Самая страшная книга» стала для вас, наших читателей, определенным знаком качества, чтобы вы могли быть твердо уверены: если где и искать хорошую литературу ужасов на русском языке, то — в ССК.

Поэтому в 2016 году мы планируем выпустить не так много антологий (не более трех, я надеюсь), зато порадует вас авторскими сборниками и, быть может, даже рома-

нами. Если в прошлом году в серии вышло три книги, то в будущем мы мечтаем довести число томов до шести–восьми в год. И, с вашей помощью, будем стараться выпускать книги нашей серии все большими тиражами, раз уж на складах издательства они не залеживаются.

...Ну а каков же будет «конец всей этой мерзости», спросит кто-то.

Думать о завершении проекта ССК нет никаких причин. Покуда вы покупаете наши книги, русский хоррор будет жить. Не для того сей кровожадный упырь выбрался из склепа под названием «неформат», чтобы тут же пасть обратно с осиновым колом в сердце.

«Самая страшная книга» открывает третий сезон. Читайте нас, обсуждайте нас. Обязательно заглядывайте на страничку «Готовится к изданию» — впереди вас ждет много интересного. До жути много прямо жуть как интересного. Хе-хе.

Парфенов М. С., автор идеи, организатор проекта

Николай Иванов

ДЛАКА

Небо над головой гудело, расплывалось свинцовыми чернилами и пожирало деревья огромными хлопьями снега, серыми, похожими на пепел. Они оседали в сухую прошлогоднюю траву и тонкой пленкой тянулись среди черных извилистых стволов и редких ледяных корок, оставшихся после сошедших сугробов. Скользивший над землей ветер проваливался сквозь оголенные шершавые ветки, еще не успевшие очнуться от зимней спячки, и мерно постукивал ими о сморщенную березовую кору.

Словно где-то там, среди деревьев, стоял маленький невидимый человечек с палочкой в руке, а один из стволов был его теряющимся в вышине барабаном. Дремавшие под землей корни слегка подрагивали в такт ударам и двигались из стороны в сторону, проверяя, согрелась ли земля после долгих морозных месяцев или вокруг — все та же заиндевевшая мертвая паволока.

Андрейка поежился при мысли о невидимом человечке. Ему хотелось спрятаться от снежных хлопьев, круживших в воздухе, словно рой белых мокрых оводов, жалящих щеки и руки, залепляющих глаза холодными мутными крыльями. Но старая отцовская куртка не только пропускала ветер и снег — она была еще и на несколько размеров больше. Ее облупившиеся дерматиновые края касались коленей, и, как их ни застегни, все равно не спасешься от тянущегося снизу холода.

Думать о невидимом человечке было страшно: он сразу начинал мерещиться повсюду, куда ни посмотри. В конце концов, деревянные палочки торчат рядом с каждым пнем и каждым деревом. А что, если одна из них — его? Крадется к Андрюше, прячась за маревом сыплющегося пепла, остав-

ляет незаметные следы. Стоит палочке коснуться ботинка или штанины, и ноги сами собой расковыряют подошвы и поползут в мерзлую землю, а из рук проклонутся бурые ивовые прутья с распускающимися на кончиках пушинками.

И все-таки это было гораздо лучше, чем смотреть, как в двух шагах от него на потрескавшемся пне высотой в папин рост лежит черный медвежий череп.

«Стой здесь,— сказал папа.— Никуда не ходи. Я скоро вернусь».

Зачем они вообще сюда пошли, ничего не сказав деду с бабой? Взяли сумку для фотоаппарата, сказали, что хотят сфотографировать летящий через лес снег.

Андрейка точно знал, что фотоаппарат остался дома, в городе. Вместе с мамой, которая «век бы не знала эту глушь».

Первый раз в жизни Андрейка видел, как папа говорит неправду, да еще и так, что от правды не отличишь. Неужели он и до этого так делал?

Они шли через застрявшие в воздухе снежинки, осматриваясь по сторонам и внимательно разглядывая древесную кору. Кое-где на ней торчали клочки черной шерсти, стиснутые тяжелыми берестяными складками.

«Так-так-так,— шептал папа под нос.— Здесь у нас коготь нацарапан, значит, направо... Андрейка, ну-ка присмотришься, у тебя глаза поострее, нет ли где еще шерсти?»

Зачем кому-то вешать на деревья шерсть? Может, он запутывает маленького человечка или живущего в земле хранителя воды?

Хранителя воды Андрейка боялся больше всего, потому что каждый день спускал к нему в скважину насос «Ручеек» со вставленным в боковой раструб резиновым шлангом. Однажды хранителю надоест, что кто-то ворует его воду, он дернет веревку с той стороны трубы, и Андрияша упадет вниз вместе с насосом и летящими сверху кольцами шланга.

Мальчик тут же одернул себя и подпрыгнул: то ли от стоящего в лесу холода, то ли от того, что по его спине пробежали мурашки. Ага, как же, пролезет он в скважину, держи карман шире. Туда и насос-то с трудом проходит: стучается металлическими боками о стенки осадочной трубы.

Но если хранитель очень захочет... если он потянет изо всех сил...

И все же череп куда страшнее.

Когда папа увидел этот череп, его брови перестали хмуриться, и с той секунды он не произнес ни слова. Андрюша понимал: именно его папа и искал, высматривая среди деревьев черную шерсть.

«Стой здесь. Никуда не ходи. Я скоро вернусь».

Череп был облит потрескавшимся черным варом, а из его макушки торчала скрученная засохшая стружка, спускавшаяся вдоль пня до самой земли. Прилепленная сверху, словно застрявшее в смоле насекомое.

Огромные передние клыки сомкнуты. Пустые глазницы блестят от налипших внутри хлопьев весеннего снега. Будто бы живой. Будто бы с наступлением ночи из кости прорастут бурые волосинки, из горловины выползет шея, а вслед за нею и остальное тело.

Медвежья голова оторвется от пня и превратится в нового зверя.

И так день за днем.

Где-то впереди, за лежащим на пне черепом, папа нашел прорытую в земле дыру и полез в нее.

На его плече болталась сумка от фотоаппарата, и теперь Андрюша понял, что в ней станет лежать что-то другое.

Но разве можно брать с собою вещи из таких мест?

Череп смотрел на Андрюшу пустыми глазницами. Ветер шевелил его деревянные волосы. Мальчик видел такую стружку и раньше, на коньке дедушкиного амбара. Кажется, дедушка называл ее инао.

Неужели он тоже бывал здесь?

Когда из дыры в земле послышалось копошение, мальчик вздрогнул от неожиданности и тревожно стал смотреть на спрятавшийся в земле проем. Вот-вот оттуда покажется мохнатый хранитель воды, мокрый с ног до головы, измазанный синеватой подземной глиной. Из его когтистой лапы будет свисать оторванная папина голова, которая теперь станет лежать на пне вместо медвежьего черепа, ожидая новых путников, идущих через лес по оставленным на деревьях клочкам шерсти.

Андрейка закрыл глаза.

Шаг за шагом. Все ближе и ближе.

— Эй, сына, чего это ты зажмурился? В трех соснах потерялся?

— Ага, скажешь тоже... Где ты видишь сосны? Елки и березки одни.

Папа улыбнулся и потрепал его по голове. От рукава его куртки пахло сигаретами, а еще — холодом спрятанной в земле пещеры.

Сумка на плече раздулась, да так, что не могла застегнуться.

Из-под пластмассовых застежек свисал краешек шкуры. Черный, словно вар на медвежьем черепе.

— Пап,— вполголоса сказал Андрейка.— Унеси это обратно... оно же неспроста здесь положено. Пожалуйста. Я ничего не скажу бабе и деду.

Папа поднял голову и посмотрел вверх.

Хлопья снежного пепла колотили по его лицу, но он их совершенно не чувствовал. Гудящее небо молчаливо тащило спрятавшееся за облаками солнце на другой конец дня и не обращало внимания на человека, пришедшего туда, куда не следует приходить.

— Андрейка... вот как ты думаешь... если муха упала в банку с молоком... стоит ли ей шевелить лапками и лезть оттуда?

— Конечно. А вдруг получится.

— Вот и я так думаю, сына. Пойдем домой. Холодно же.

Взяв Андрейку за руку, папа зашагал прочь от укрытой в земле пещеры.

Где-то там, впереди, спрятались затерявшиеся в лесах деревенские домики, и в одном из них их ждали дед с бабой, накрыв на стол потрепанную скатерть и поставив на нее миску с пирогами и только-только вскипевший электрический чайник.

Вслед за ними оставались следы, едва заметные в тонкой пелене снежных хлопьев.

«Длака» — вертелось в голове забытое слово.

Медвежья шкура раскинулась на покрывале старой панцирной кровати, гладкая, блестящая, будто только

только снятая со зверя. Волоски отливали темно-синим и были приятными на ощупь — мягкими, словно пакля.

Игорь смотрел на нее и сжимал в руке мобильный телефон.

Шероховатая пластмасса телефона напоминала хитиновый панцирь гигантского насекомого. Отвернешься, зазеваешься — и из черных боков вылезут длинные цепкие лапки. Сочащиеся ядом челюсти уцепятся за кожу, и тварь сунет голову в разрез на теле, заскрипит, полезет внутрь.

Мужчина тряхнул головой, поднялся со стула и посмотрел в окно.

Там все так же продолжал сыпать случайный весенний снег, словно насмехаясь над ним, забрасывая белыми лепестками спрятанную среди лесов могилу, в которую превратилась деревня. Сюда приезжали только старики — чтобы умереть. Потеряться в бесконечности мхов и сопок, словно сгнившие деревянные дощечки, на которых уже невозможно разглядеть названия поселков и рек.

Больше некому уносить в земляную пещеру раскиданные по лесу медвежьи кости и пропевать слова охотничьих песен. Охотники давным-давно вымерли, как и их великий скотий бог. Не у кого выпрашивать лосей и глухарей. Разъяренные реки перестали выходить из берегов. Плотины украли вчерашний день, переписали его строчками легенд, в правдивости которых начали сомневаться даже старожилы.

На кровати лежал последний осколок священного мира.

Один звонок — и его тоже не станет.

Вот бы как в детстве: загадал желание, написал на бумажке, положил под подушку — и ждешь. Оно обязательно исполнится. Не сегодня, так завтра. Лишь бы его услышал лес.

Лишь бы его услышала длака.

Игорь увидел, как открылась дверь уличного амбара, и оттуда показался Андрейка, опутанный кольцами резинового шланга толщиной с велосипедную камеру. В его руках лежал маленький водяной насос. Недовольно поглядев в запорошенный двор, мальчик зашагал по снежному крошеву к торчащей из земли скважине.

— Внучек, запахнись-ка курткой! — прокричала из амбара бабушка.— Взмерзнешь!

— Нормально все,— огрызнулся Андрейка.— Тепло мне. Игорь улыбнулся.

Старики кого хочешь достанут своей заботой.

— Куда ж тепло? Вон же носом швыркаешь!

— Как швыркаю, так и перестану.

Дверь в амбар хлопает еще раз, выпуская в белое маревно два силуэта. Когда-то Игорь называл их папой и мамой, но теперь эти слова стали бесцветными. Дед Гриша и баба Галя. Обветшавшие, сморщенные, но глубоко внутри — крепкие, словно камни.

В голове проскользнула мысль о том, что это неправильно. Глупая, пустая, взятая из школьных учебников и звучащих по радио песен.

Игорь вспомнил, как несколько лет назад он возил бабу Галю в город, закупиться одеждой, резиновыми сапогами и пакетиками семян. Они ходили по колхозному рынку — так теперь назывались сколоченные под открытым небом прилавки на окраине — и подбирали деду рубашку.

«Покажите самые большие,— просила баба Галя.— Дед здоровый, что конь, все рветь... Нут-ка... Ий, милыя, эта враз по спине разоидется. Побольше нет? Эх... вот же напасть. Все люди как люди, а мой что из лесу вышел. И как его земля держит?»

Продавщица недоверчиво качала головой. Наверное, думала про себя: «Вот бабка попалась вредная. Не бывает таких людей».

И действительно, людей — не бывает. Разве что старики. Кто их разберет: как живут, чем дышат, во что верят? Был человек, а потом будто кто-то подменяет его — и получается старик. Сидит на лавке, смотрит куда-то, и взгляд его проходит сквозь суету текущих дней, упирается в земляные комья истоптанной памяти. А за ними — пустота светящихся с неба звезд.

— Уймись, старая,— крикнул дед Гриша с амбарного порога.— Что курица вьешся, тошно, ей-богу. Надо будет — сам додумается и тебя не спросит. Андрюша, внучек, мы до летней хаты пойдем, мал-малу приберемся. Как откачашь воды — подскакивай, подмогнешь.

Андрейка кивнул и понес шланг дальше. Один конец шланга выпал у него из рук и теперь тянулся следом, оставляя на земле узкую черную бороздку.

«Надо же,— подумал Игорь.— Вроде в городе парень вырос, а по деревне как влитой ходит. Корни тянут, не иначе».

Он еще раз посмотрел на медвежью шкуру и, решившись, нажал на телефоне кнопку вызова.

На экране появилась бледно-серая надпись: «Александр Николаевич».

Гудок. Еще один гудок.

Телефонная линия шуршала помехами несущихся в воздухе радиоволн, навстречу человеку, с которым Игорь хотел разговаривать меньше всего.

— Слушаю,— послышался вежливый голос с обратной стороны трубки.

— Добрый день, Александр Николаевич. Это Игорь. Не отвлекаю? Можете сейчас говорить?

— Здравствуйте, Игорь. Нет, не отвлекаете, слушаю вас.

— Я звоню касательно долга.

— О, это замечательная новость. Я уж было хотел высылать людей к вам на дом. Хорошо, что не понадобилось, это все значительно упрощает. Ну так как ваши успехи?

— Александр Николаевич, послушайте меня,— Игорь сглотнул подступивший к горлу комок песка.— Денег я достать не смог, но у меня есть очень ценная вещь. Старинная шкура из медвежьей пещеры рядом с деревней, где я родился. Такие пещеры делались еще во времена палеолита, это кладбища для медвежьих костей, священные места, так что шкуре не меньше двух тысяч лет. Выглядит она очень хорошо, видимо, обработана особенной бальзамирующей смесью. Ее можно продать коллекционерам за приличную сумму, это покроет долг целиком. Я сожалею, что не могу вернуть вам заём в оговоренный срок, и надеюсь на понимание...

В трубке потянулись долгие секунды шипящего молчания, сжимаемая горло резиновым жгутом ожидания.

Спрятанные в темноте голоса шуршали завитками инао, колышущейся в дыхании лесного ветра.

— Игорь...— начал Александр Николаевич,— поверьте мне, с моей стороны понимания хватает. Я понимал вас,

когда вы пришли ко мне с просьбой одолжить денег для открытия собственного дела. Я понимал вас, когда ваше предприятие прогорело, и вы попросили отсрочку. Но запасы моего понимания не безграничны. Вы звоните мне для того, чтобы рассказать совершенно невероятную историю о какой-то шкуре, и считаете, что это исправит ситуацию? Знаете что, давайте на этот раз я попрошу о понимании. Поймите, что у вас есть жена и ребенок. Поймите, что несчастья случаются с совершенно разными людьми. Поймите, наконец, что я не тот человек, который будет кивать и сочувствовать в подобных ситуациях. Через двадцать минут в вашу палеолитическую деревню придут люди. И лучше бы вам вместо шкуры взять с собой приличный пиджак.

Звонок оборвался.

Снег за окном продолжал падать.

«Ручеек. Насос погружной, вибрационный».

Андрейка всегда рассматривал табличку с этими буквами перед тем, как спустить насос по веревочке в жерло скважины, вырытой на заднем дворе. Какой путь проделывают эти буквы, когда он метр за метром травит веревку вниз? Бьются о стальные края трубы, проходят через слои земли, никогда не видевшей солнечного света, и опускаются прямо в другой мир.

Огромное озеро, на поверхности которого дремлет мохнатый хозяин воды.

Плох!

Хозяин воды приоткрывает желтый глаз и видит, как за стенками опущенной в озеро осадочной трубы начинает работать странная блестящая штука. И думает себе: от чего на ее боку написано «Ручеек», ведь берет она куда как больше?

Вода бежит в бочку, как будто ей нет и не будет конца.

Андрейка зашел под навес и достал из кармана книжку с поцарапанной серой обложкой. Книжка пахла зерном и старыми свинцовыми литографами и рассказывала о людях, которых мальчик никогда не встречал в городе. Стис-

нув зубы, они проходили через дикие леса, в их глазах отражалось пятно холодного солнца, и каждый их шаг был наполнен вечностью, спящей где-то здесь, среди елей и берез.

На обложке было написано всего два слова: «Царь-рыба», и за ними пряталось что-то такое, от чего по спине бежали мурашки.

Много лет книжка закрывала собой дыру в прохудившихся досках дедушкиного амбара. Почему-то дедушка очень гордился этим. Говорил: «Вот гляди, внучек, и мотай себе на ус. Хорошая вещь, куда ее ни возьми, всегда свое место найдет. Хоть и в амбаре. Покуда зерна нет, бери читать, только не забудь вернуть. Хорошая она. Никакая так дыру не держит, я проверял. Сразу видать — из наших краев человек писал, знаючи».

Вода неторопливо заполняла ржавую бочку, и на ее поверхности растворялись пушистые снежинки.

Буквы не читались. Где-то внутри стонала и екала мысль: что задумал его папа? Унес сумку в зимнюю хату, не сказав ничего деду с бабой, и сидит с ней теперь, наверное, один на один.

Андрейка приподнял край лежащего на земле мостка, сунул под него «Царь-рыбу» и отошел в сторону. Поглядеть внимательней — не залетают ли туда снежинки. Снежинки туда не залетали, земля была сухой, с трещинками. Лучшего места пока и не придумаешь.

Мальчик побежал к зимней хате, подпрыгивая и рассекая лицом мокрые хлопья. Мягкие, словно кусочки бархата. Приятные. Вот бы они никогда не переставали идти: сыпали бы и сыпали с неба.

Может, написать на бумажке желание и положить под подушку, как учил папа?

Андрейка забежал на крыльцо, скинул резиновые сапоги и зашел в хату.

В нос ударил острый запах шерсти, настолько отчетливый и всепоглощающий, будто здесь не было ни пола, ни стен, а стоял мальчик в каком-то странном и страшном месте, таком, как спрятанная в земле пещера. И завели его сюда нарочно.

Андрейка прошел через сенки в комнату, и там... там...

Он ждал его.

Мохнатый хозяин воды, с головы до ног покрытый густой черной шерстью. Толстые лапы упирались в бока, и со всех четырех сторон слышалось его тяжелое дыхание.

Мальчик схватился руками за дверной косяк. Все вокруг потемнело, и комната поплыла перед глазами под стук висящих на стене ходиков.

Мохнатое существо повернулось к мальчику.

«Зачем ты воровал мою воду?» — услышал Андрейка в голове еще до того, как оно успело что-либо произнести.

Но слова звучали по-другому:

— Сынок, не бойся, это я, папа. Шкура на мне, шкура.

Хозяин воды откинул со лба длинную прядь шерсти — и в самом деле, эта прядь оказалась краем шкуры, сброшенной на лицо, будто покрывало.

— Напугал... — облегченно выдохнул Андрейка. От сердца отлегло, комната возвращалась на место, и теперь он видел, что здесь нет никакого хозяина воды, а стоит перед ним папа с накинутой поверх одежды шкурой. — Чего это ты вырядился?

— Да вот... чуда жду.

Голос папы звучал тихо, и проступало в нем что-то очень хрупкое, беспомощное, словно папа не вернулся вместе с ним из леса — остался там, в земляной пещере, и теперь зовет на помощь.

Андрейка захотел подойти ближе, но почувствовал, что не может этого сделать.

Словно что-то отталкивало его, нашептывало: «Уходи! Скотий бог идет за своей добычей, и горе ждет всякого, кто встретится ему на пути».

— Папа! — прохрипел мальчик. — Сними ее! Скорее сними!

— Не могу... — вымученно улыбнулся папа. — Андрюш, сюда едут очень плохие люди, и я должен их напугать. Очень сильно напугать. Так, чтобы они больше никогда не приехали ни к тебе, ни к маме. Беги к деду с бабой и передай им: «Папа надел длаку». Они знают, что делать.

В голове мальчика закрутились слова, целые океаны слов: он перебирал их одно за другим в поисках тех, что могли бы изменить папино решение, и не находил подходящих.